

Любовь Ки

МАРШРУТКА

стихотворения

.....ты пассажир раздолбанной планеты.....

Любовь Ки

Маршрутка

стихотворения

Оренбург
2019

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

С 91

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и правления Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Любовь Ки. Маршрутка. Стихотворения. — Оренбург:
Издательский центр МВГ, 2019. — 52 с.

Печатается с сохранением авторской пунктуации.

12+

ISBN 978-5-9070807-6-8

© Любовь Ки (Сухарева), стихотворения, 2019 г.

© Издательский центр МВГ, 2019 г.

Маршрутка

Меняй маршруты и петляй следы —
Ты пассажир раздолбанной планеты.
Твои минуты —
Твои монеты,
Твой день таков, каким его увидел ты.
Запомни это.
Читай людей по шрамам и зарубкам,
По спрятанным улыбкам
Между слов.
Их миру суждено быть крайне хрупким,
Не будь слоном —
Не задевай основ.
Смотри в окно, за поручень держись,
Не забывай передавать
За жизнь.

Ребрендинг

Я никак не могу вписаться
В этот мир распродаж и акций.
В каждой следующей из локаций
Тошно, братцы.
Селфи/тёлки и папарацци,
Выходные, чтобы надрацца, —
Мне с собой уже тошно знаться.
Мерзко, братцы.
Просыпаться, чтоб снова бредить,
Пропишите мне море, доктор!
Ваши шопинги — лишь ребрендинг...
У меня поломалось что-то
Там — внутри.
Посмотрите, доктор,
Это можно наладить, склеить
?
— Научитесь любить и верить.

Дичь

В наш век айфонов и прочей дичи
Без статус-бренда ты обезличен.
Тебя купили по безналичке,
Как между делом на кассе спички.
Тебе внушили, что это надо,
И ты поверил, что что-то значишь.
Закон извечен: где больше стадо —
Пастух упитанней и богаче.

Якоря

В моей памяти страшно хрипят
Голоса тех толковых ребят,
Кто вступил в бесхребетный отряд:
Не горят, не парят — якорят.
Как тавро, как кровавый стигмат,
Сквозь прозрачную кожу амёб
Проступают, уродуя лоб,
Источая чудовищный смрад,
Якоря — не заживши, гноят.
У тебя ещё всё впереди,
Бог внутри — оттого и един.
Вырывай якоря из груди
И иди
И иди
И иди

Диагноз

Обвинять любовь в том, что она есть,
Снимать крест,
Презирать невест.
Проходить этот квест
С табличкой «нет мест»,
Синдромом «the best».
Диагноз — протест.

Про тексты, тесты,
Пестуй себя, чествуй —
Ты много интересней
Этой толпы пресной.
Честно.
У тебя же кожа
Тоньше. Значит, нужна броня.
У тебя по венам бежит коньяк.
Шоколадно/вишнёвый маньяк,
Воспаленно/пульсирующий маяк —
По-другому никак.
Какой, к чёрту, ещё тебе нужен знак?
Диагноз — чудака.
Пусть так.

Всполохи

Мама, она курящая, истеричная —
Я про таких читал на кривых заборах.
Стоит взглянуть — зрачки полыхают спичками,
Да она вся — один бесконечный всполох.
/Рухнула небом на голову, словно обух/
Нежностью стелется, запахами брусничными.
Лишь повернусь спиной — обжигает холодом.
Мама, она курящая, истеричная,
Бьётся о стенки сердца тяжёлым молотом.

Вы говорили, любовь — это рай и боженька...
Мам, она меня запросто уничтожила.

Да не вылавировали

Это небо покрыто язвами —
Их не видят только слепцы.
Я себя посыпаю стразами,
Настоящему — геноцид.
Вышло пошло и по-киношному.
Как лавировать кораблю,
Если фразой «Всего хорошего»
Обездвижено всё «Люблю»?

Что?

Слишком цельная, чтобы дробиться,
Половиниться, собираться в пазл.
Расскажи мне, кто твой убийца,
Крик, спазм?
Расскажи, как холодно в этом пекле,
Если нутро — решето.
Звёзды к утру непременно блекнут.
Что остаётся?
Что?

Колесо

Что с тобою сделала тишина?
Губы обескровлены и сухи.
Комкаешь безжизненные стихи
И мечтаешь выпрыгнуть из окна.
Девочка, ну сколько тебя тащить?
Он тебя размазал о твой же щит.
Вот тебе стратегия и профит.
Твой четырехпалубный, глянь, убит —
Здорово горит.
Девочка, ты взгляд-то не отводи —
Он же у тебя весь такой один.
Будешь вспоминать его до седин,
Панихиды всхлипами из груди,
Гордое «уйди».

Это всё дурной бесконечный сон.
У сансары выбило колесо.

Труха

Во сне они, как правило, кричат.
Под тонкой кожей мечутся зрачки,
Как будто кто-то дёрнул за рычаг
И запустил по кругу огоньки.
Минуя те же петли всякий раз,
Встречают утро хмуро и взятяг.
Я помню это. Помню как сейчас.
И из меня не вытравишь никак.
Они шагают, мёртвые, в метро,
В маршрутках, не моргая, стоя спят,
Шатаясь от безжалостных ветров,
Что рвут их изнутри, как сто чертят.
Как будто вдруг закончился гипноз —
Не слушается тело, а душа —
Огромный ёж из тысячи заноз,
И кровоточит каждый новый шаг.

Я тоже побывала среди них,
Не помню, сколько зим тому назад.
И сразу отличаю от живых
Их мёртвые, потухшие глаза.
Пусть говорят, что все мои стихи,
Как язвами, усыпаны тобой —
Я просто избавлялась от трухи,
Что оставляла, выгорая, боль.

Позвонки

Научиться бы
Сдаваться —
Позвонки стальные ноют.
Научиться бы
Сдаваться.
Не сорваться бы струною.
Знаешь,
Как бывает тихо
После грохота снарядов?
Как отчаянной трусихой
/В страхе новой канонады/
Входишь в круг того же ада
?
Научиться бы сдаваться —
Отдаваться,
Как в семнадцать.
После стольких операций,
Реконструкций,
Ампутаций.
Распахнуться
Настежь нежным,
Словно дверь своей же клетки.

Научиться бы,
Как прежде,
И вспорхнуть с постылой ветки.
Да не знать бы, что охотник,
Безусловно,
Будет
Метким.

Гетто

Самое время прикинуться стервой,
Плюнуть и погибать.
Это про боль и распятую веру.
Милый, тебе ли не знать?

Прыгать по койкам
/Вспомнить бы, сколько/
Очень знакомо, скажи?
В венах иголки,
Воем, как волки,
На миражи.
Жизнь разменяли
В вечной опале.
Чьи это флаги, мой друг?
В этом финале
Точка из стали
С алой каймою вокруг.
Знать бы ответы —
Сердечное гетто
Вечным бродягам не новь:
Как мне забыть, это чертово лето
?
Как мне тебя бы развидеть при этом
?
Как мне разверить в любовь
?

Как дура

Какие, к чёрту, мужчины?
Меня наперёд тошнит.
По ходу, где-то внутри
Размагнитилось.
Это злит.
И рифм глагольных
Слагая белиберду,
Мне снова больно.
В набитом битком аду
Мне снова слышится:
— Жди,
Я уже иду.
И я шепчу, как молитву,
Охрипшее:
— Жду же...
Жду...
И, просыпаясь,
В горячечном, злом бреду,
Ищу ладонь его,
Падая на ходу.
Смотрю на мир сквозь размытых надежд слюду.
И снова слышу.
И снова, как дура, жду.

Бритва

Эта адова бритва сансары
Искромсала меня,
Искромсала.
Разве что-то ещё осталось?
Крайне мало.
Чудовищно мало...
Я в ладонях сжимаю синицу,
И душу её.
Вот, что мне снится.

Обыкновенная

Циники, скептики, трудоголики.
Коды и шифры тату/символики.
Кофе без сахара, двойное молчание —
Слишком уж громкое за плечами.
Всё зафиксировано и подписано —
Лента постами, стихами и мыслями.
Репродуктивность прозрачна репостами.
Ночи кусками проглочены черствыми.
Взгляд, не мигая, сжирает Вселенную.
Кто я такая?
Обыкновенная
Я

Легко

Свалим в Питер!
Без пафоса и понтов.
И онлайны сменив на волшебный off,
Затеряемся в гулких музеях дворов,
Готов?
Если этот город, как организм,
Отторгает тебя и тянет вниз —
Это срочная мера, а не каприз —
Ну же, please!
Я однажды отравлена сквозняком,
Прогулявшись по Невскому босиком.
Просто выйдем за хлебом ли, молоком,
И окажемся далеко.
— Легко!

Нечто

Волнорезы вскрывают волны,
Истекая солёной кровью.
Море дышит легко и полно.
Мы таращим глаза коровьи
В невозможно прекрасное нечто.
Солнце мёдом горячим струится,
Тёмной бронзой ложится на лица —
Так в секунде запрятана
Вечность.

Прекрасное

Это очень непросто — делать за шагом шаг.
Мне немного за тридцать,
Да, мамочка — это так.
У меня в послужном тоже есть неизбежный мурак
И попытки убиться.
Да только вот всё никак.
Если хочется плакать — я выхожу во двор,
Достаю из заначки тонкие с кнопкой «Vogue»
И смотрю в это небо /как будто в глаза/ в упор:
— Эй, чувак, ты не видишь? Твой мир глуп и однобок!

И прекрасен.
Ну как же он, сука, хорош...
Я бросаю окурок.
Ну всё, моя рыба,
Хорош.

И если любовь — война

И если любовь — война, будь готова принять устав:

Кто меньше любит — прав,

Кто меньше хочет — король.

Как тебе роль?

В скомканных переписках запрещена тоска.

Радостно скачет строка.

— Как ты?

— Зашибись /с-ка.../

Не надевай каблук.

Не оголяй плечо.

— Кто я тебе?

— Так, друг...

— В смысле?

— А ты о чём?

Темы все хороши,

Кроме той, что болит.

У кого нет души —

Те короли.

Хочешь — побудь одна:
Кончиком пальцев — дна
И оттолкнись наверх.
Если любовь война,
Шли эту стерву на...
Или воюй.
За всех.

Принимать себя

Научившись любить без возможности прикасаться,
Принимать себя, как лекарство от лжи.
Ловить мысли над пропастью
Вдоль межи
И засыпать во ржи.
Научившись любить, не раскрывая объятий,
Не ко двору и некстати
Принимать этот мир без соблазна распятий,
Без соблазна распитий,
Жаждой новых открытий —
Быть им.
Пусть сегодня твой хаос обивает чужие пороги,
Чужими губами захлебывается и кровит,
Научившись любить того,
Кем давно убит,
Ты воскрес
И живет многих.

Больше не

Ты стала сильнее.
Смотри какая —
Огромное небо
Двумя руками.
Ты больше не Герда,
Плевать на Кая!
Ты чувствуешь?
Чувствуешь?
Отпускает.

Закат

Не тобою выцвела тоска
На губах, раскрашенных в закат.
И искусно вырезан оскал
До тебя.
Тебе достался яд
В уголке припухших нежных губ.
Кто из нас сегодня больше труп?

Сквозняки

Я не знаю, сколько ещё тепла
Утечет сквозь пальцы. Сквозь дыры глаз.
Девочка-пожар-девочка-зола,
Холодно и страшно тебе сейчас.
Мелкой дрожью пальцев танцует боль.
Ветер тушит спички — осталось две.
Ты стоишь по пояс в сухой листве
И не в силах пошевелить собой.
Знаешь, время лечит совсем плохих —
Ты перекумаришь, напишешь стих.
И оставишь где-то внутри окно.
Навсегда открытым. Без всяких но.
Потому и холодно — сквозняки.
Иногда достаточно лишь руки,
Чтобы заслонить и зажечь опять.
— Это ты про спички?
— Как знать, как знать.

Бесконечность

Время перевёрнуто. На часах
Стрелки встали кошками на дыбы,
Солнце раскалённое в волосах,
Облака ошмётками из трубы.
Мы стоим открытые, как гробы,
Нас сюда поставили для толпы
Целовать бумажно/сухие
Лбы.

Причитать и пить нам вдогонку яд,
Аккуратно ровненько, точно в ряд.
Говорят, что это и есть тот ад,
Где снаружи холод — внутри горят.
Много тысяч жизней вот так подряд.
То ли это кладбище, то ли сад.
Пахнет древесиной и чебрецом,
Залиты по самую грудь свинцом.
Рядом шоколадки, фужер с винцом,
Это сложно даже назвать концом.
Потому что крышки стоят и ждут

бесконечность этих земных минут

Пока не поздно

Космос, космос,
Пусть он не приходит больше!
У меня от него синяки... На сердце.
Просто капец:
Это страшнее смерти,
Когда он целует, и я
Зависаю под потолком
Гелиевым шаром.
А потом
Падаю на пол. Ничком.
Космос, знаешь, какие у него губы?
Чудовищно мягкие,
Отвратительно нежные.
Я смотрю на них, стиснув зубы,
Пытаясь предотвратить неизбежное,
Машинально снимая одежду.
Пусть не приходит, слышишь?!
Я не могу так себя тратить...
Мир сужается до его объятий,
Вся Вселенная — до кровати.
Хватит.
Забери его на другой уровень —
Ближе к звёздам.
Пока не поздно.
Серьёзно.

Над пропастью

Проклинаю тебя и твоих богов!
Захлебнувшись явью,
Лишившись снов,
Не найдя опоры, ушла в вираж.
Сплошь одно кривлянье —
Гротеск,
Кураж.
В поисках баланса над пропастью
Ржу.

С паршивой овцы...

Не все дороги куда-то ведут —
Есть тупики.
А может, время сменить маршрут?
Не взять руки?
А может, время давно самой
Без костылей?
И если память твоя тюрьмой —
Беги смелей!
Прошиты птицами небеса,
Как я тобой.
Сверяю нежности по часам,
Даю отбой.
Сандалии, сумка через плечо —
Побег готов.
Ты так хронически ни при чём,
И путь не нов.
А сколько будет ещё дорог
И тупиков —
С меня хотя бы вот этот клок
Больных стихов.

Воспоминанья

Сколько ещё объятий
Будет выламывать плечи?
Я опасаюсь спятить.

Кто это всё залечит?

Перетанцую лето,
Перекумарю осень
И притворюсь поэтом.
Кто же с такого спросит?

Каплями разотрутся
Прошлого очертанья,
Склеены наспех блюдца —
Воспоминанья.

Хорошо

Если я не пишу,
Значит, всё хорошо.
Если я не пишу,
Значит, больше не жжёт.
Пригласи себя в бар,
Закажи себе шот
И прими себя в дар
От меня. Хорошо?
Если я не пишу, значит, нечего ждать мне тебя,
как багаж, посчастливилось сдать и подняться на борт,
где ручная лишь кладь — это, видимо, спорт
Находить
И терять.
Значит, всё хорошо, если я не в Сети, если я не онлайн,
значит, где-то в пути.
Хорошо не до гроба и не до седин.
Хорошо, что одна.
Хорошо, что один.

Кто ты?

Я настоящих встречала
Мало.
Стоящих — и того меньше.
А ширпотреба всегда навалом.
Был человек — стал вещью.
Был человек — и его не стало:
С виду живой, и маршруты те же.
Ты с ним решишь пропустить по бокалу,
Кто-то придёт, но не он.
Ну нет же.
Что-то бормочет с нелепым оскалом,
Вонь от него, хоть костюмчик свежий.
А я напротив киваю устало,
Думаю всё —
Не сдержусь ведь, врежу!
Только кулак мой с неистовым взмахом
Снова провалится в гниль и пустоты.
На настоящих гляжу я со страхом,
С вечным вопросом — ну кто ты?
Кто ты?

Изморозь

В этой бездушной зиме
Изморозь выела лица.
И вытекает тепло
Чёрной воронкой зрачков.
Сквозь белоснежный покров
Я пробиваюсь назло —
Мне очень нужно случиться
В этой бездушной зиме.
Крик поглотила бездна —
Сколько ещё?
Неизвестно.

Ночное

По ночам бог страдает от духоты —
Сны сбиваются, точно в подушках перо.
Он же бог — ему положено быть святым,
Но сомненья слетаются чайками на порог:
— Как я мог?

— Ну почему я не смог?

— Я помог? Нет, я точно помог?

— А тому ли я, чёрт побери, помог?

...

И он ходит по комнате до онеменья ног.

Из распахнутого окна тянет влажную кисть сирень,

Это значит — весна. Это значит, опять мигрень:

Поголовье влюблённых в попытках схватить свою тень.

И молитву опошлит ванильная дребедень.

Как утешить всех этих смешных людей?

Как помочь несмешным?

Как рассмешить серьёзных?

И неслышно вползает рассвет, пожирая звёзды,

Наполняя молочную дымкой хрустящий воздух.

Бог устало плетётся в кровать. Слишком рано.

Точнее — поздно.

Город грёз

Этот город не забывает лиц
И не хранит секретов.
Я могла бы ответить на весь твой блиц,
Только зачем мне это?
Многие бары помнят следы
Кед моих, шпилек, танкеток.
Как мы легко переходим на «ты»,
Только зачем нам это?
Город навряд ли уже повзрослеет,
Стало быть, дело за нами.
Мы те же дети, ну, может быть, злее —
С городом грёз за плечами.

Февраль

Она не любила февраль
В прогорклости хмурого месяца
Ей чаще угрюмилось вдаль
И чаще мечталось
Повеситься
Укрывшись от резких ветров
От их беспощадного хохота
Она запирала засов
И прятала сердце
Как золото
А окна сходили с ума
Рыдали и выли метелями
Казалось что эта зима
Покончить решила
С апрелями
Укутавшись в тёплую шаль
Весны дожидалась душа
Листая затертый альбом
Не в этом году
Так в другом

Светляки

Отпустить бы волосы, ходить босиком,
Шлепать по тёплым лужам босой душой.
Времени мало, а мир — он такой большой —
Мне бы его за пазуху целиком.
Жили в моей ладони три светляка,
Только однажды сжалась в кулак рука,
Небо захлопнув крышкою потолка.
Жжётся в ладошке — значит, жива.
Пока.

Болезненно

Я-то думала нас двое
В череде не/встреч и встреч
Я пустая
Ты пустое
Слов досадная картечь
Передёргиванье плеч

Разреши себя сберечь

Лжи хрустальные осколки
Жалят вспухшие виски
Мы болезненно жестоки
Мы бессмысленно близки

Про любовь

В этом мире выжженных до чёрта,
Каждому свой залп и своя черта.
Погоди, присядь, если ты устал,
Досчитай до ста.
На ладонях линий не перечеть,
Вот одна про счастье,
А вот про месть,
Про надежду, веру,
Про ложь, про лесть.
Что тебе прочеть?
Про любовь? Любовь — это просто свет,
Либо он в тебе, либо его нет.
Ни закон не действует,
Ни запрет.
На ладони линии
Такой нет.

.
Это вокруг рёбер закручен жгут
Световым диодом тугих минут,
Озарений, вспышек,
Сладчайших пут.

...

Что ты ухмыляешься, словно плут?
Ну иди. Зовут.

На самом-то деле

На окнах багряные кровоподтёки —
Ты снова и снова сшиваешь строки.
Сдираешь куски, обнажая пороки.
И кажется — вот, ты уже на пороге!
Бумага не терпит на самом-то деле,
Когда твои строчки прозрачные еле.
Ей сладко впитать твои гнойные язвы,
И чёрные мысли, и алые спазмы.
Ты выпотрошен, высказан, пуст и рамазан выжженных.
Стихи — как болезнь,
Как ярчайший оргазм.

Туманное утро, божественный кофе —
То чувство, когда побывал на Голгофе,
И снова в своей белоснежной постели.
Бумага не терпит на самом-то деле.

Пообещай

Пообещай, что ты не станешь тёткой
С облезшим крабом в сальных волосах,
Со взглядом глуповато/мягко/кротким,
С вчерашним днем, застывшим на часах.
Пообещай, что солнечные нити
Сплетутся крепче в озорной груди
Причиной, а не следствием событий
На каждом твоём выбранном пути.

Протуберанцы

Возможно, завтра уже не будет —
Не будет утра и кофе наспех,
Яиц в мешочек на белом блюде
И суеты в повседневных масках.
Не будет шанса начать сначала,
Не будет времени всё отсрочить —
Ну что ты сникла и замолчала?
Ну да, картина и впрямь не очень.
Но кто нам скажет — как будет верно?
Мы все на равных — все новобранцы,
А при затмении /закономерно/
Алеют ярче протуберанцы.
Возможно, завтра уже не будет.
Точней, его на тебя не хватит.
А ты всё трусила грозных судей,
Каких-то демонов под кроватью

За руку

А кто-то там наверху обязательно мной гордится.
Ему известны все мои промахи и промашки.
Он пьёт ромашковый чай из надтреснутой старой чашки,
Листая путаных хроник моих страницы.
То бровь поднимет, то рассмеётся звонко,
То отведёт резко взгляд и закурит трубку...
И с безусловной нежностью,
Как ребенка,
Вдруг неожиданно крепко возьмёт за руку.

Наслаждайся

Пусть оно всё летит к чертям
Я не стану считать в который
Раз
Нутро снова пополам
Выжимаю педаль игнора
В пол
Лица на тебя смотреть
Натыкаться на те же вилы
Очень скучно вот так гореть
В половину
Звериной
силы
Я хотела сказать
Спасибо
Ибо
Спас
А теперь я пас
Никому не дано понять и не морщи лоб
твоё тело твой тёплый гроб твой земной окоп
Твой постылый храм перекрытый шрам

перебитый рай преданный Иисус
Расскажи мне как не отведасть вкус

за которым

всегда

укус

наслаждайся и умирай
Ежели не трус

Ты танцуешь

Говоришь что уныние грех и сочится из черных прорех
этот едкий чудовищный смех
Пробирает до хрупких костей
Разгоняет последних гостей
Я хочу тебе крикнуть не смей
Но как будто во рту горсть гвоздей

Ты танцуешь весёлую смерть
Ты танцуешь
её
всю жизнь

Содержание

Маршрутка.....	3
Рифмованный мусор.....	4
Ребрендинг.....	5
Дичь.....	6
Якоря.....	7
Диагноз.....	8
Всполохи.....	9
Да не вылавировали.....	10
Что?.....	11
Колесо.....	12
Труха.....	13
Позвонки.....	14
Гетто.....	16
Как дура.....	17
Бритва.....	18
Обыкновенная.....	19
Легко.....	20
Нечто.....	21
Прекрасное.....	22
И если любовь — война.....	23
Принимать себя.....	25
Больше не.....	26
Закат.....	27

Сквозняки.....	28
Бесконечность.....	29
Пока не поздно.....	30
Над пропастью.....	31
С паршивой овцы... ..	32
Воспоминанья.....	33
Хорошо.....	34
Кто ты?.....	35
Изморозь.....	36
Ночное.....	37
Город грёз.....	38
Февраль.....	39
Светляки.....	40
Болезненно.....	41
Про любовь.....	42
На самом-то деле.....	43
Пообещай.....	44
Протуберанцы.....	45
За руку.....	46
Наслаждайся.....	47
Ты танцуешь.....	49

Любовь Ки
(Любовь Викторовна Сухарева)
Маршрутка

Редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Корректор Людмила Моисеева
Верстка — Леонид Маслов
Обложка — Алексей Кирилов

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел.: 8 (902) 365-41-99.

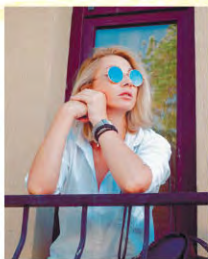
Подписано в печать 30.08.2019 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 100 экз. Заказ № 10366.

ISBN 978-5-907080-76-8

9 785907 080768

Любовь Ки родилась и выросла в Оренбурге. Признана лучшим молодым поэтом межрегионального семинара-совещания «Мы выросли в России» 2017 года. Лауреат Международного фестиваля «Всемирный День Поэзии» — вошла в «Золотую Сотню» (лонг-лист) участников из 50 городов десяти стран и заняла второе место по Оренбургу (2018). Лауреат литературной премии «Чаша бытия» (Оренбург, 2018). С 2015 года — резидент культурного проекта «Другая Среда». Публиковалась в сборнике «Истории Вдохновения» проекта «Другая Среда» (2017) и журнале «Гостинный двор». Автор поэтического сборника «Зазеркалье» (2018).

